

ДЕМО-ВЕРСИЯ · БЕСПЛАТНО

Exambooster

Экономическая политика и государственно-частное партнёрство: кандидатский экзамен — пробный вопрос

Один полный разбор из перечня вашего экзамена — посмотрите формат перед покупкой: тезисный конспект, развёрнутый ответ с опорой на первоисточники и указание, из каких работ взят каждый тезис. В полном пособии — 38 вопросов перечня кафедры экономической политики и государственно-частного партнёрства для испытания «кандидатский экзамен по специальной дисциплине».

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ

Аспирантура МГИМО · 5.2.5 «Мировая экономика», кафедры экономической политики и государственно-частного партнёрства

ПРОГРАММА

кандидатский экзамен по специальной дисциплине

Демо-пособие · 2026

Независимое издание. Подготовлено «Exambooster» самостоятельно, не является официальным изданием МГИМО МИД России, не одобрено и не согласовано университетом. Названия вуза и образовательных программ приведены исключительно для указания предмета подготовки.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЁРСТВО • ВОПРОС P23 • ДЕМО

Цифровизация мировой экономики

■ Масштаб и динамика

- прогноз Huawei&Oxford Economics (24,3% ВВП к 2025 г.) не подтвердился: факт ≈15% ВВП (Всемирный банк, 2024), но темп роста выше мирового;
- гринфилд-ПИИ в цифровых секторах — единственный растущий сегмент мировых инвестиций: 37→77 млрд долл. (+107% за 5 лет, ЮНКТАД).

■ Торговля товарами и услугами

- ИКТ-товары — ~10% мировой торговли товарами (Соглашение ВТО по ИТ, 1996/2015), Китай — крупнейший экспортёр;
- цифровые услуги: экспорт вырос с 1,2 до 2,9 трлн долл. за 2005–2018 гг., ~50% торговли услугами идёт через ИКТ;
- к 2022 г. услуги, обеспеченные цифровизацией, — 3,8 трлн долл. (53% всего экспорта услуг, оценка ВТО).

■ Регулирование: три модели

- США — рыночный подход без единого федерального закона об ИИ;
- ЕС: AI Act — поэтапно; с 08.2026 надзор за GPAI, «Цифровой омнибус» отложил нормы для высокорисковых систем до 2027–2028 гг.;
- Китай — государствоцентричная модель под контролем КПК; «эффект Брюсселя» распространяет нормы ЕС де-факто и де-юре на другие юрисдикции.

■ Многосторонний трек ВТО

- мораторий на пошлины с электронных трансмиссий (с 1998 г.) не продлён на MC14, прекратил действие 30.03.2026 — впервые за 25+ лет;
- 23 члена (США, Британия, без ЕС) с 1.04.2026 сохраняют беспошлинный режим добровольно;
- 66 членов (~70% мировой торговли) временно вводят Соглашение об э-торговле (JSI) — вступит в силу после присоединения 45 членов.

■ Финансы и платежи

- криптоактивы, стейблкоины и ЦВЦБ меняют банкцентричную модель расчётов; мгновенные платежи (СБП, Pix, FPS) вытесняют традиционные схемы;
- цифровой рубль (пилот 2022) и цифровой тенге (пилот 2021) — часть цифровой повестки ЕАЭС.

■ Страновые лидеры и разрывы

- Китай: доля цифровой экономики в ВВП — с 15,2% (2008) до 41,5% (2022); >40% мировой электронной коммерции;
- асимметрия: НРС нарастили цифровые ПИИ (+23% за 5 лет), но их доля в мировом объёме мала.

■ РАЗВЁРНУТЫЙ ОТВЕТ

■ Введение: что такое цифровизация мировой экономики

Цифровизация — процесс проникновения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) во все звенья мирового хозяйства: производство, торговлю товарами и услугами, движение капитала, трудовую миграцию и обмен знаниями. Экономисты различают два смежных понятия. «Цифровой сектор» — часть экономики, прямо производящая ИКТ-товары и услуги (телекоммуникационное оборудование, программное обеспечение, цифровые платформы). «Цифровая экономика» — более широкое явление: модель, в которой данные становятся самостоятельным фактором производства наравне с трудом, капиталом и землёй, а не просто инструментом учёта. Общепринятых определений обоих терминов пока не выработано — это признанная проблема международной статистики, а не пробел одного учебника.

Термин связан с концепцией четвёртой промышленной революции (Индустрия 4.0), впервые предложенной в Германии в 2011 году. Клаус Шваб включил в её основу искусственный интеллект, робототехнику, интернет вещей, аддитивные технологии, распределённую энергетику и квантовую криптографию. Более ранние теоретики постиндустриального общества — Дэниел Белл в начале 1970-х годов, Джон Нейсбит в книге «Мегатренды» (1982) и Элвин Тоффлер в «Третьей волне» — предсказывали смещение занятости в сферу услуг и превращение информации в главное экономическое сырьё задолго до появления самого термина «цифровая экономика».

По оценке Huawei и Oxford Economics, доля цифровизации в мировой экономике должна была вырасти с 15,5% в 2016 году до 24,3% к 2025 году. Прогноз не подтвердился: по расчётам Всемирного банка цифровая экономика заняла около 15% мирового ВВП в 2024 году (порядка 16 из 108 трлн долларов). Фактический уровень оказался заметно ниже прогнозного, хотя рост цифровой экономики по-прежнему опережает рост мировой экономики в целом.

■ Цифровизация торговли товарами и услугами

В торговле товарами ключевую роль играет Соглашение ВТО об информационных технологиях 1996 года (пересмотрено в 2015-м), охватывающее свыше 200 товарных позиций и отменяющее пошлины на ИКТ-оборудование. На эту категорию приходится около 10% мировой торговли товарами, причём рынок сильно концентрирован: десять крупнейших стран-экспортёров дают свыше 90% оборота. Китай стал крупнейшим экспортёром ИКТ-товаров, обеспечивая около трети мирового экспорта к 2018 году, а Вьетнам за десятилетие 2008–2018 годов нарастил экспорт таких товаров в 30 раз, встроившись в производственные цепочки электроники.

В сфере услуг ЮНКТАД ввела категорию «услуг, предоставляемых с помощью ИКТ» (ICT-enabled services). Их мировой экспорт вырос с 1,2 до 2,9 трлн долларов за 2005–2018 годы, и сейчас порядка половины всей мировой торговли услугами реализуется через ИКТ. Сектор растёт примерно на 15% в год — заметно быстрее финансовых услуг (5%) и страхования (8%); внутри самого сектора ИКТ-услуг доминируют компьютерные услуги, занимающие до 80%. К этой же линии относится более узкая категория «digitally delivered services» — трансграничные услуги, полностью поставляемые через интернет: от бизнес-консультирования (свыше 40% этой категории) до потокового вещания и онлайн-обучения. По оценке на 2023 год их объём достиг 4,25 трлн долларов, то есть 13,4% глобального экспорта товаров и услуг, и продолжал расти на фоне сокращения товарного экспорта. По более широкой оценке ВТО, к 2022 году услуги, так или иначе обеспеченные цифровизацией, составили 3,8 трлн долларов — 53% всего мирового экспорта услуг. Разброс цифр между источниками объясняется именно тем, что единого стандарта измерения цифровой торговли услугами пока нет: цифровые и традиционные компоненты услуги статистически трудно разделить, когда, например, обслуживание и обучение персонала встроены в цену проданного оборудования.

Цифровизация меняет и глобальные цепочки создания стоимости. Снижаются издержки координации внутри цепочки — за счёт коммуникаций и логистики, а параллельно растёт качество самих продуктов и услуг. ЮНКТАД выделяет три сценария цифровизации цепочки: полностью электронное взаимодействие участников, цифровую поставку товара, ранее поставлявшегося физически, и цифровую трансформацию отдельных элементов производства. Отдельное явление — «сервисизация» цепочек: доля добавленной стоимости, создаваемой услугами (проектирование, тестирование, маркетинг, обучение), в цене готового

изделия растёт, а узкоспециализированные промышленные цепочки замещаются многопрофильными, где производство и услуги переплетены.

■ Цифровые платформы, ТНК и конкуренция

Транснациональные корпорации в цифровой сфере делятся на две группы: интернет-платформы и компании электронной коммерции — с одной стороны, и создатели ИКТ-инфраструктуры — с другой. К 2017 году цифровые ТНК получали 70% продаж на зарубежных рынках, но лишь 40% их активов размещались за пределами страны базирования — асимметрия, характерная именно для нематериальных, легко перемещаемых бизнес-моделей. Показательный кейс — структура Apple, разместившей ирландский филиал для регистрации продаж в Евросоюзе; налоговый спор об этой схеме дошёл до Европейского суда и завершился решением в пользу компании.

Глобальные маркетплейсы (Amazon, eBay, китайский Alibaba/Aliexpress) фактически затормозили сужение рынков, которое обычно сопровождает создание региональных торговых блоков: цифровая платформа делает зарубежный рынок доступным напрямую, минуя часть посреднических барьеров. По данным ЮНКТАД за 2025 год, инвестиции в цифровую экономику остаются единственным растущим сегментом мировых гринфилд-проектов: их стоимость выросла с 37 до 77 млрд долларов (+107% за пять лет) при росте числа проектов на 17%. Наиболее динамичный сегмент — цифровой контент, где стоимость проектов выросла в десятки раз, хотя и с очень низкой базы. Материальную инфраструктуру этого роста образуют дата-центры: только за 2024–2025 годы Oracle вложила 6,5 млрд долларов в дата-центры в Малайзии, Microsoft — 3 млрд долларов в облачные и ИИ-мощности в Индии, ByteDance — 8,8 млрд долларов в Таиланде.

Рост цифровой торговли и инвестиций распределён неравномерно. В развивающейся Азии цифровая экономика — самый быстрорастущий сектор гринфилд-инвестиций последнего пятилетия (рост стоимости проектов на 146%), причём почти сто миллиардов долларов из этого притока обеспечили американские компании. Наименее развитые страны тоже нарастили цифровые инвестиции (на 23% за пять лет), но их доля в мировом объёме остаётся малой, а более 500 млрд долларов гринфилд-вложений в цифровую экономику развивающихся стран сконцентрированы в узкой группе государств. ЮНКТАД формулирует это как центральный политический вопрос эпохи: углубит ли цифровая трансформация разрывы между странами или станет путём к более инклюзивному росту.

■ Регулирование: три модели и их расхождение

Государства выстраивают принципиально разные подходы к регулированию цифровой экономики и искусственного интеллекта. США придерживаются рыночной модели: единого федерального закона об ИИ нет, акцент сделан на добровольных стандартах и саморегулировании компаний. Китай применяет государствоцентричную модель, где регулирование цифровых рынков и технологических компаний находится под непосредственным контролем

правлящей партии; ужесточение регулирования технологических гигантов в 2020–2021 годах привело к падению их капитализации почти на 2 трлн долларов (около 11% ВВП страны), из-за чего весной 2022 года власти смягчили курс.

Евросоюз выбрал путь единых горизонтальных правил — Закон об искусственном интеллекте (AI Act). Регламент вступил в силу поэтапно: к августу 2026 года заработали обязательства по прозрачности (маркировка ИИ-контента) и полномочия Европейской комиссии по надзору за провайдерами моделей общего назначения. Одновременно летом 2026 года был принят «Цифровой омнибус» — поправка, отложившая часть требований к высокорисковым системам искусственного интеллекта: для отдельных ИИ-систем срок сдвинут на декабрь 2027 года, для ИИ, встроенного в регулируемую продукцию, — на август 2028 года. Это показывает, что даже самый детально проработанный регуляторный режим цифровой экономики продолжает донстраиваться уже после вступления в силу, а не запускается одномоментно. Исследователи описывают «эффект Брюсселя»: правила ЕС становятся стандартом де-факто для глобальных технологических компаний, ориентированных на европейский рынок, и стандартом де-юре, когда другие юрисдикции — от СНГ до Юго-Восточной Азии — берут AI Act за основу собственного законодательства.

На многостороннем уровне ключевую роль в цифровизации торговли играет Всемирная торговая организация. С 1998 года действовал мораторий на пошлины с электронных трансмиссий, регулярно продлевавшийся на каждой министерской конференции. На 14-й министерской конференции в марте 2026 года консенсус по продлению не был достигнут, и 30 марта 2026 года мораторий вместе с рабочей программой по э-торговле впервые за более чем четверть века прекратил непрерывное действие. Уже 1 апреля 2026 года 23 члена ВТО, включая США и Великобританию (без Евросоюза), договорились добровольно сохранять между собой беспошлинный режим. Параллельно 66 членов, на которых приходится около 70% мировой торговли, одобрили декларацию о временном применении согласованного в узком составе (JSI) Соглашения об электронной торговле: оно вводит недискриминационный режим для цифровых транзакций, электронные инвойсы и подписи и вступит в силу после формального присоединения 45 членов; США, вышедшие из переговоров JSI ещё в 2023 году, среди участников нет.

■ Финансовая цифровизация и трансформация расчётов

Наиболее быстро меняющийся сегмент — платёжно-расчётная сфера. Традиционная банкоцентричная модель, основанная на сетях банков-корреспондентов и закрытых протоколах, уступает место платформенным и децентрализованным решениям. Технологическая конвергенция здесь идёт по нескольким направлениям одновременно: системы мгновенных платежей (российская СБП, бразильская Pix, британская FPS) заменяют традиционные многодневные корпоративные переводы; цифровые валюты центральных банков (ЦБЦБ) обещают удешевить трансграничные расчёты через прямые «мосты» между национальными системами; децентрализованные криптоактивы и

стейблкоины предлагают альтернативный, хотя и рискованный канал расчётов в обход традиционных финансовых институтов; а платформенные экосистемы крупных технологических компаний переносят точку входа клиента в финансовые сервисы из банковского приложения в собственные «суперприложения», перераспределяя рыночную власть в пользу технологических игроков.

Государства реагируют на эту трансформацию пилотными проектами и координацией. Россия с 2022 года тестирует цифровой рубль, Казахстан с 2021 года — цифровой тенге; оба проекта вписаны в «Основные направления цифровой повестки Евразийского экономического союза». На глобальном уровне G20 одобрила дорожную карту по ЦВЦБ через Совет по финансовой стабильности ещё в октябре 2020 года, а Международный валютный фонд, Всемирный банк и Банк международных расчётов с 2022 года совместно разрабатывают нормы контроля цифровых валют. Резкий рост и последующая волатильность рынка криптоактивов — капитализация выросла в 3,5 раза до 2,6 трлн долларов в 2021 году и упала почти на треть в 2022-м — подтолкнули к ужесточению национального регулирования криптовалют в Китае, Индии, странах ЕС, Бразилии, США, Южной Корее и ряде других юрисдикций.

■ Страновые модели и цифровое неравенство

Национальные траектории цифровизации существенно различаются. Китай прошёл путь от 15,2% доли цифровых отраслей в ВВП в 2008 году до 41,5% в 2022-м и занимает первое место в мире по объёму электронной коммерции, обеспечивая свыше 40% мировой стоимости транзакций против менее 1% десятилетием ранее. Индия реализует программу «Цифровая Индия», построила систему биометрической идентификации Aadhaar, охватывающую 1,35 млрд человек, и платёжную сеть UPI с более чем 260 миллионами пользователей — одну из крупнейших в мире по объёму транзакций. Бразилия развивает собственную стратегию цифровой трансформации и национальный план развития интернета вещей.

Для сопоставления стран используются международные индексы цифровой конкурентоспособности, оценивающие страны по трём группам факторов: накопленные знания (таланты, образование, научная база), технологическая инфраструктура (нормативная база, капитал, технологии) и готовность к будущим изменениям (адаптивность, использование ИКТ, кибербезопасность). В таких рейтингах верхние строчки занимают США, Сингапур, страны Северной Европы и Республика Корея, тогда как крупные развивающиеся экономики располагаются заметно ниже — это отражает не столько отставание в технологиях как таковых, сколько разрыв в институциональной готовности и человеческом капитале.

Международные организации системно занимаются регулированием этого разрыва. Цели устойчивого развития ООН включают отдельную задачу по созданию устойчивой инфраструктуры и стимулированию инноваций; ЮНКТАД публикует доклады об информационной экономике и мировых инвестициях и

продвигает инициативу eTrade for All; Международная организация труда предупреждает о риске замещения роботами до 56% рабочих мест в странах АСЕАН; Всемирный банк ведёт партнёрство по цифровому развитию. На уровне Организации Объединённых Наций в 2024 году был принят Глобальный цифровой договор (Global Digital Compact) вместе с Пактом во имя будущего — рамочные документы, закладывающие механизмы международного сотрудничества по искусственному интеллекту и цифровой инфраструктуре. Для ускорения их реализации ЮНКТАД предложила Инструментарий политики для инвестиций в цифровую экономику (Policy Toolkit for Investment in the Digital Economy) — практический ориентир для правительств, инвесторов и партнёров по развитию.

■ Итоги и значение

Цифровизация мировой экономики — это не единый процесс, а совокупность параллельных трансформаций: в торговле товарами и услугами, в организации транснациональных корпораций и глобальных цепочек стоимости, в международных расчётах и в самой архитектуре многостороннего регулирования. Общий вектор во всех этих сферах один — рост роли данных и цифровых платформ как самостоятельного фактора производства, — но темп и институциональные ответы на этот процесс у разных стран и организаций расходятся. США, ЕС и Китай выстраивают три разные регуляторные модели, конкурирующие за статус глобального стандарта; Всемирная торговая организация впервые за десятилетия не смогла сохранить непрерывность базового цифрового режима торговли; а центральные банки, МВФ и G20 только выстраивают общие правила для валют нового поколения. Ключевой открытый вопрос — сумеет ли цифровая трансформация сократить разрыв между развитыми и развивающимися экономиками или, как отмечает ЮНКТАД, закрепит уже сложившуюся концентрацию цифровых инвестиций в узком круге стран.

Понравился формат? Заберите полное пособие

В полном издании «Экономическая политика и государственно-частное партнёрство: кандидатский экзамен» — 38 вопросов перечня кафедры экономической политики и государственно-частного партнёрства для испытания «кандидатский экзамен по специальной дисциплине» в таком же формате + доступ в закрытый Telegram-канал, где каждый вопрос перечня — отдельный пост с навигацией.

Купить magistratura.exambooster.ru/materialy

Telegram-канал [@mgimo_exambooster](https://t.me/mgimo_exambooster)

Телефон +7 (925) 886-41-35

E-mail info@exambooster.ru

**Цена — 8000 ₽, разовый платёж:
пособие в PDF + закрытый канал.**

Дмитрий Санько — основатель Exambooster, выпускник МГИМО (МЭО, 2010) и Ryerson University, ex-преподаватель МГИМО. · ИП Санько Дмитрий Сергеевич, ИНН 772854182473.